

КУСОК ЖИЗНИ

Алексей
Кречетов

Алексей Кречетов

Кусок жизни

«Издательские решения»

Кречетов А.

Кусок жизни / А. Кречетов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508975-5

Если хочешь быть реалистом, то будь им. Здесь не нужно творчество.
Показывай, в первую очередь, себя и показывай то, как видишь всё вокруг.
Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-508975-5

© Кречетов А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие-рассказ	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кусок жизни

Алексей Кречетов

Фотограф Kristy Mekh

Фотограф Матвей Бояршинов

Фотограф Дмитрий Конин

© Алексей Кречетов, 2019

© Kristy Mekh, фотографии, 2019

© Матвей Бояршинов, фотографии, 2019

© Дмитрий Конин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-8975-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие-рассказ

13 матерных слов

Однажды я повстречал интересного человека. Он мне показался копией меня. Только он был абсолютным распиздяем. А я тогда был в тумане. Он рассказал мне одну историю из студенческой жизни, из которой я сделал рассказ.

С него-то я и хотел бы начать эту книгу.

Потому что с этого всё началось.

Старый препода был с бодуна. Маленького роста, без шеи, голова прямоугольная вытянутая, волосы на ней короткие чёрные с редкой проседью, под широким «красным» носом имеются густые короткие усики, но не такие как у Гитлера, а больше, на длину верхней губы.

Рулеткин Владимир Владимирович забухал вчера в подвале у другого препода – Барабанова Владимира Ильича. Сентябрь. Начало учебного года. Студенты последних курсов заходили, чтобы «пожелать здоровья», и презентовали коньяк, водку, портвейн, вино. Преподады душевно беседовали со студентами, рассказывали птенцам невероятные истории, показывали щенкам невероятные фокусы. После рабочего дня, вечером, на тротуаре поскользнулся Владимир Ильич и сломал ногу. Рулеткин остался один. С другими преподами у него были натянутые отношения. Наверное, они просто не бухали друг с другом. Рулеткин стал пить каждый день к вечеру. Утро за утром ему становилось всё омерзительнее как на душе, так и в теле. И пара за парой молодые студенты первокурсники становились всё распуценнее, громче, в общем, также, как и его состояние.

Голова Рулеткина гудит. Студенты разговаривают между собой и кричат, совсем не обращая на него внимания. Он поставил несколько «двоек» и выгнал одного ученика. Все затихли. Он отвернулся от класса и стал выводить мелом тему урока.

– Пидар усатый! – сказал кто-то из студентов, и класс взорвался хохотом.

Рулеткин написал на доске такой заголовок: «13 матерных слов» и сказал:

– Если назовёте сейчас 13 матерных слов, то я разрешу вам материться на моих уроках. А если нет, то вы заткнёте свои ебальники и будем изучать предмет. Даю вам 30 минут. Время пошло! Слова должны быть разные. Первое слово есть, осталось ещё 12.

Студенты были удивлены и обрадованы, их лица выглядели так, будто они кончили и обосрались. Посыпались ответы.

– Блядь!

Рулеткин записал его на доске. Осталось 11.

– Сука!

– Это литературное слово. Но хуй с вами, пусть будет, как фора. Осталось 10.

– Пизда!

– Куда ж без неё!?

Рулеткин записал его на доске. Осталось 9.

– Хуй!

– Куда ж без него!?

Рулеткин записал его на доске. Осталось 8.

– Ебать, ёбля, ёбаный в рот! – кричали с разных сторон.

– Это одно «ЕБ», а остальное – его производные! – отметил Рулеткин и записал его на доске. Осталось 7.

– Гандон!

Рулеткин записал его на доске. Осталось 6.

Дальше становилось сложнее. Владение матом кружилось вокруг «ху», «пизд», «еб».
– Шлюха! – выкрикнул кто-то радостно-прерадостно.

Рулеткин записал его на доске. Осталось 5.

У студентов были задумчивые лица. А у Рулеткина – самодовольная красная рожа. Он поглядывал на часы и ждал перемены, чтобы заправить в себя «топливо» и подымить сигареткой в окно.

– Залупа! Залупа-а-а! – закричал маленький мальчик с задней парты писклявым голосом, а остальные стали хлопать его по плечу, будто парень выиграл какое-то соревнование.

Рулеткин записал его на доске. Осталось 4. Раздался звонок на перемену.

– Даю вам ещё пять минут! – сказал Рулеткин и ушёл к себе в каморку.

Ребята по-прежнему сидели и думали. А в кабинете, тем временем, становилось люднее.

Каморка Рулеткина была завалена разным барахлом: тряпичные картины каких-то учёных, стулья, доски, рейки, книги, газеты, журналы, стенды с советских времён. Стены серые, потолок высокий. В глубине каморки возле окна стоит стол и два стула. Рулеткин распахнул окно наполовину, подкурил сигарету деревянными спичками и выпустил большое облако дыма на улицу. Из выдвижного ящика он достал бутылку портвейна «777», а из своего портфеля – бутылку кока-колы. С колой любое бухло заходит приятнее, будто закусываешь конфеткой и запиваешь морсом. Он сделал несколько жадных глотков, кашлянул, забрызгал стол слюнями. Некоторое время он сидел неподвижно, сгорбившись-съёжившись. Взгляд его стал тупым и бесчувственным. ДЗЫЫЫЫИнь! Звонок на урок. Рулеткин оживился, встал, вышел из каморки.

Студенты сидели смирно и молча. У доски стоял директор и молодая преподавательница, которая кивала в стороны своей милой головкой, а чёрная коса её тёрлась о плечо и титьку.

– Безобразия! – сказала она.

А директор стоял задумчивый презадумчивый, а потом заговорил басом.

– Трахать, дрочить, манда... мудила... этого достаточно, Рулеткин?

Рулеткин почесал репу. А красивая преподавательница, чуть ли не плача, убежала жаловаться завучу.

– Матерных слов только 7 – хуй, пизда, ебать, блядь, пидар, сука, гандон. Остальные названные ругательства – это жаргонизмы, диалектизмы.

– Ты что филолог?

– Нет...

– Ну и нехуй тогда голову ерундой морочить!

Часть 1 Угланство

Глава 1 Сестра

Я никогда не любил детей. Кроме одного маленького человека.
Я с ней нянчился, когда дома никого не было.
У неё была смешная и пухлая мордашка.
Она не умела говорить. Она пускала слюни и кряхтела.
Я не помню, чтобы она плакала, истерила или что-то просила. За это, наверное, я её полюбил.
Я помню, как она заболела и посинела.
Я помню маленький гробик в центре комнаты. Неизвестные люди. Тарелка с деньгами.
Мать плачет и забирает у меня деньги, которые я взял посмотреть и не хотел отдавать.
Я помню большие швы на её маленькой головке.
Похороны не помню.
Однажды по телевизору шёл фильм. Там показывали войну. Взорвался дом с детьми. Вот тогда у меня что-то щёлкнуло. Я лёг на кровать, повернулся к стене и плакал навзрыд. Теперь я опять всё вспомнил. Но лишь скупо всплакнул. И в груди стало тепло.

Глава 2

Прыжок

Я сидел у окна, облокотившись на подоконник, и наблюдал за снегопадом. Огромные хлопья снежинок плавно и грациозно опускались вниз и увеличивали объём белоснежного одеяла, которым было покрыто всё вокруг: земля, крыши домов, головы и плечи. Сугробы были настолько большие и мягкие, что можно было зарыться в них по пояс в один прыжок. За мной и братом пришли ребята, позвали нас гулять.

– Чем займёмся сегодня? – спрашивали мы.

– А пойдёте прыгать с «Зелёнки»! – предложил кто-то.

«Зелёнка» – старое двухэтажное здание в центре деревни, в котором никто не живёт. В нём нет ни окон, ни дверей. Кирпичи и плиты медленно растаскивали местные жители. Школьники прятались в нём и тайком курили или пили.

8 марта. На улице было светло, середина дня. Нас было пятеро. Мы осмотрели сугробы у подножия «Зелёнки», чтобы во время приземления не наткнуться на камни или арматурины. Большинство решило, что место приземления находится в удовлетворительном состоянии. Все пятеро поднялись на крышу и стали смотреть вниз.

– Высоко!

– Очково? Слабо, прыгнуть?

– Ну да, страхово...

Мы пугали друг друга, «толкая» вниз, и смеялись. А прыгнуть хотелось, ради желанной порции адреналина, которая так необходима молодому организму. Я долго сидел на корточках, смотря вниз, и готовился к прыжку. И вот я решился. Прыжок!

Секунда, а может и меньше, и я внизу, по пояс в снегу. «Хочу, ещё!» – подумал я, и побежал обратно на крышу. А тем временем спрыгнули другие ребята. Довольные они торчали из сугробов, как колья, смеялись и закидывали друг друга снежками. Когда я поднялся наверх, то увидел там последнего, который не решался на прыжок.

– А давай, угарнём?! – предложил он.

– Давай! Как? – согласился я.

– Ты прыгаешь и притворяешься, что сломал ногу!

– Ага! А ты кричи, зови на помощь, будто бы испугался!

И он побежал вниз по лестнице к месту моей посадки.

Прыжок!

Представление началось! Я кричу в истерике и матерюсь!

– Нога!

– Лёха ногу сломал! Как быть? Надо помочь ему! – кричал Саня, стоя рядом со мной, выпучив глаза и размахивая руками. Актёры из нас были никудышные. И никто не спешил ко мне на помощь. Мне надоело притворяться, и я стал выбираться из сугроба.

– А чё было-то? Чё кричал? – спрашивали парни.

– Да уже всё! Пошутить мы хотели, типа я ногу сломал! А вы даже не спешили на помощь! – возмутился я.

– Я вам говорил, что это приколы! – гордо заявил Олег.

– Знаешь, в чём вы прокололись?

– Ну, говори!

– Сначала я заметил, как вы шепчитесь наверху. А потом Саня переигрывал, слишком громко и нервно кричал. И я сразу подумал, здесь что-то не так, они, наверное, что-то задумали.

– Доктор Ватсон, поздравляю вас с раскрытием злого преступления! – дразнил я его.

– Может, Холмс?

– Нет, Ватсон!

В момент бурного веселья, не далеко от нас, по дороге проходил дедушка:

– Допрыгайте, ноги сломаете! – заявил он, вдруг ни с того ни с сего.

От такого предупреждения ребята засмеялись ещё громче.

«Зелёнка» нам надоела, и мы пошли соревноваться в прыжках в длину со складов за магазином. Высота была намного ниже, чем крыша двухэтажки, примерно полтора метра. Мы разбегаемся и прыгаем в первый раз. Победитель – мой брат. Разбегаемся и прыгаем во второй раз...

Димон торчал из сугроба, истерично смеялся, закатывал глаза и качал головой.

– Нога! – единственное слово, которое он мог тогда выговорить.

Я подошёл к нему и похлопал по плечу:

– Хорош, Димон! Лучше моего притворяешься! – сказал я ему и засмеялся.

Димон засмеялся ещё громче, вцепился в мою руку, из глаз забрызгали слёзы, и он стал кричать, кричать букву «А». Я тогда испугался.

– Хватит, Димон, это уже перебор... – говорил я ему.

– Лёха, ему реально больно, он не шутит!

Все вместе мы достали его из сугроба и заметили, что бедро увеличилось. Все вместе мы подняли его и понесли к дому его бабушки. Мы вспоминали, чему нас учили на уроках ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности). Повреждённый участок необходимо было «обездвижить», чтобы избежать ухудшения перелома и уменьшить страдания больного. Мы положили Димона на обочине дороги, подложили под голову шарфы и шапки. Телефонов тогда ни у кого не было, не дошла ещё тогда цивилизация до нас. Один побежал за врачом тётей Ниной. А остальные подбадривали Димона, как могли. Тётя Нина приехала с дядей Васей, загрузили Димку и увезли в больницу. А дядя Вася скороговоркой крикнул на нас:

– Валите, домой, дебилы, раз, гулять спокойно не можете!

Глава 3

Первое слово

Угланами мы летом купались на маленьком пруду. Там, где мелко, берег и дно были глиняные. Там, где глубже – камни.

– Сын моряка, а не умеет плавать! Ха-ха! – угарал кто-то.

Я пулькался на мелководье с другими малышами. Вода баламутилась и становилась красной. Иногда я заходил в воду по шею и под водой показывал всем факи. Вокруг все матерились. А я не умел. Вернее, как-то тяжело мне было сказать эти гадкие слова. Был какой-то внутренний барьер. Родители дома при нас не матерились, когда батя был трезв. Наверное, поэтому я считал мат гадким, но сладким.

И вот я решился. Ушёл с головой под воду и кричу: «заебися пахнет пися, заебися». Вынырнул довольный. Сказал шепотом «заебися». А потом стало ещё легче. Вот как всё просто. Надо только попробовать.

Матерный словарный запас пополнялся медленно.

А потом и плавать научился. Толкнули меня в глубокую яму с напутственной речью:

– Жить захочешь – поплывёшь.

Но я пошёл на дно в первый раз. И во второй. Часто находился какой-нибудь Добрый человек, который поддерживал меня на плаву. Но потом он обязательно уходил по своим делам куда-нибудь. А у меня никогда не было своих дел.

Глава 4

Угар

Вечер. Я сделал уроки, сделал кое-что по дому, как хороший мальчик. Теперь я валяюсь на полу, на ковре, смотрю телевизор. Это мой заслуженный отдых. Как я хочу, так и провожу его. На диване лежит и отдыхает мама после работы. Пришёл отец. Вдруг он стал что-то кричать и громкими шагами зашёл в комнату.

– Дорогая, рассказать тебе, что твой любимый сынок опять учудил? – обратился он к матери, махая руками и садясь на диван.

– Что такое? – она посмотрела на меня.

– Да вроде ничего, – сказал я.

– Дорогая, ты заходила в туалет? – спросил он мать.

– Нет. Говори уже, хватит кривляться.

– Я прихожу домой после трудного рабочего дня. Захожу в туалет, а там! Гавно! Не смывайте! Которое уже засохло.

Мы смеёмся.

– Хули, тут смешного? Это уже не в первый раз, Дорогая.

– Это не я! Наверное, это мама.

– Как выглядит гавно моей Дорогой, я знаю.

– Это не я, – сказал я и смотрел телевизор дальше.

Отец стал хмурый.

– Ой, хватит вам, – сказала мама и ушла в туалет.

Она ушла.

– И не стыдно тебе? Взрослый парень, а мать за ним до сих пор гавно убирает. Тьфу, блядь.

Я не смотрел на него и ничего не отвечал. В груди у меня что-то закипало.

– Пульт отдай.

Я отдал пульт и пошёл одеваться на улицу.

– Куда?

– Гулять.

– Сначала навоз в конюшне вычисти.

Когда я чистил гавно в конюшне, тогда я обзывал и дразнил отца. Становилось легче. И потом уже весёлый я шёл гулять.

Я неблагодарный сын. Потому что я затаил обиду на отца в далёком детстве.

Моя обида – это его запои, которые длились недели или месяцы. Некоторые люди пьют и становятся весёлые и радостные. С моим отцом было всё наоборот. Он разговаривал с телевизором или невидимым собеседником. Он кричал, плакал, ломал вещи, заставлял нас отжиматься и неустанно учил жизни. Он срал словесным негативом. Иногда брался за ножи или топор и сидел так на стуле, на диване или на полу.

– Я всё делаю ради вас, а вам на меня похуй! Уроды! – это была его коронная фраза.

Я умышленно забывал всё хорошее, что он говорил пьяный. Я ждал, когда он поговорит со мной трезвый. А трезвый это был абсолютно другой человек. Он был весёлый и злой, и весь в работе. Когда мы работали вместе, мне было хорошо. До тех пор, пока он не выжимал из нас восьмой пот. Тогда я его искренне ненавидел. Но ненависть – это доброе чувство. Ненависть – это демонстрация своего недовольства. Он видел наши надутые и красные рожи и давал нам отдых. Куда хуже была обида, подкармливаемая временем.

Обида к нему внутри меня нарастала. И в итоге дошло до того, что пьяного отца я перестал слушать совсем. А у трезвого спрашивал только одно:

– Почему ты так пьёшь?

– Тебе не понять, – отвечал он иногда или просто молчал.

Я не получал внятного ответа, и обида не проходила. Чем дольше я хранил обиду в себе, тем невозможнее её было выкинуть. Так между мной и отцом образовалась пропасть. И пропасть такая огромная, что не добросить даже крик.

Угланом я не думал о таких вещах. Я любил играть. В тёплые времена с братьями мы играли в машинки. Они ездили на машинках, возили грузы. А я строил дороги, косил сенокосы, собирал камни.

– Бррр

– Вжж

Мне нравилось смотреть, как на моих дорогах появлялись колеи; как на колёса машинок налипала и слетала грязь; как травянистая поляна после наших игр превращалась в выжженную землю.

А зимой, когда я оставался один, то играл в пластилин. Я лепил утокчеловеков, и называл их челобуки. Я лепил для них дома, машины, лодки, космические корабли. В этом мире был даже злодей – стальной крокодил (держалка от штор). Я придумывал разные сценарии, в которых этот злодей грыз челобуков. Кого-то я спасал, кого-то нет.

– Помогите, спасите! – кричал я вместо, погибающего челобука.

Отец видел мои игры и смеялся.

– Печку иди топи. Спаситель!

Я разжигал печку, бежал обратно к пластилину и погружался снова в свой мир.

Стальной крокодил разгрыз лодку вместе с челобуком.

– РРР

А потом я слышу опять голос бати.

– Ты ничего не чувствуешь?

– Нет.

– Мы горим, Алёшенька!

Я молчу, потому что не понимаю его.

– Трубу ты не открыл! Дым! Не видишь?

Я спохватился, побежал открывать трубу (задвижку). Но весь дом был уже в дыму.

– Мне интересно, что было бы, если меня не было? – спрашивал он.

Я молчал. Я никогда не извинялся. Я смотрел в пол и молчал.

– Так ведь можно угареть и сдохнуть. А теперь будем улицу топить.

Глава 5

Музыка

Батя забухал. Пьёт неделю. Приходит домой без какой-либо закономерности. Включает музыку на полную громкость. Подпевает, смеётся или громко храпит.

– Можно мы пойдём погулять? – спрашиваем мы с братом.

– Нет, сидите дома.

В такой обстановке было тяжело учить уроки или о чём-то думать. А я любил учить уроки. Мы ждали, когда он захрапит и сбегали. Потом он ждал нас ещё более рассвирепевший.

Он слушал Сплин, Смысловые галлюцинации, Чичерину, Би-2, Танцы минус, Земфиру и проч., и проч. Сначала моя душа отторгала эти однотипные замкнутые мелодии и куплеты. Со временем они понравились, не знаю почему. Особенно, Сплин. У него хорошая простая музыка и интересные тексты.

Время шло. Батя перестал слушать такую музыку. Он вообще перестал слушать музыку. Повзрослел что ли? Я в душе не ебу. В чужую голову не забраться ведь. Когда он хотел выбросить кассеты, я попросил его не выкидывать, а отдать мне.

Больше всего мне нравилось слушать музыку без слов или на неизвестном языке. Рано или поздно любая наша музыка слипалась в кашу в голове.

Я долго не знал, что есть на свете классическая музыка, которую следует, наверное, включать фоном в детских садах, школах, университетах, заводах, тюрьмах, улицах, торговых центрах, короче везде.

Глава 6

Из деревни в деревню

Я люблю деревню. Серьёзно. Это фундамент моей жизни. Детский сад и начальная школа остались в густом тумане моей памяти. Я не помню, как научился писать и читать. Зато я помню, как ебал канат.

Ни родители, ни бабушки, ни школа не заставляли нас читать святыя писания, молитвы. Короче, не получится из меня Максима Горького, заряженного святой гранатой. Никаких глубоких знаний о религиях, только поверхностные обзоры. В средней школе мне полюбили такие предметы: литература, физкультура, химия, история, астрономия, география.

Сначала я был чуть ли не отличник, а в конце школы скатился до абсолютного хорошиста.

В школе было весело, смешно, приятно, грустно, мерзко, одиноко. По-разному. Тогда я прочёл «Войну и мир» илюбил книги. Больше нравилось читать про военные действия. Я как будто играл в реальную войнушку в голове и не понимал размаха мысли Льва Николаича.

Школа школой, книги книгами, а жить и развлекаться тоже надо.

Первый раз я бухал водку на последнем звонке после 9 классов. Там я первый раз поцеловался. А потом в самый разгар веселья пришла моя мама и ещё чьи-то мамы и забрали меня и кого-то ещё оттуда.

Потом я стал ходить на дискотеки, наш любимый напиток был Джин-тоник. Сигареты – святой георгий или пётр. Мы вставали толпой в угол и бухали, я не танцевал. У нас многие не танцевали.

В 10 классе нас было семеро, а в 11 осталось пятеро учеников. От домашки было уже не проебаться.

Куда дальше? Мама сказала, что денег нет, поступай на бюджет.

Я много не раздумывал, потому что не до этого было. Хотелось веселиться. Лето ж ёптыть. Подал документы в Педагогическую академию на мастера русского языка и литературы. И в Гильдию Чёрного золота на подмастерье геолога. По знаниям я не дотянул до мастера. Но если бы платил, то стал бы мастером. За деньги много чё можно. На бюджетное место в Гильдию я попал, и был очень рад хотя бы этому.

Так я стал жить в общежитии. Там было три с половиной этажа парней и один этаж девочек (пятый). Меня заселили на четвёртый к дембелю. Он недавно пришёл из армии и восстановился в Гильдию Чёрного золота.

В Общежитии и Гильдии было много деревенских ребят. Я будто перебрался из одной в деревню в другую. Зато было весело и со многими у меня было взаимопонимание и угар.

Дембель учил меня заправлять постель. Говорил, что мне надо отжиматься, чтоб я стал здоровее. Вдалеке от родителей я считал этого парня за отца и поэтому слушался. Мы с ним вместе готовили кушать. А потом он начал брать у меня в долг деньги и не возвращал. Один раз избил меня. Не сильно сильно. Тогда я перестал видеть в нём отца.

Я увидел отца-друга в другом человеке. Это был Мишка-удмурт. С ним было весело. Он был справедлив, честен, расчётлив и очень разговорчив. Я попросился заселиться к ним в комнату пятым человеком. Мне дали добро.

Глава 7

Батяка в здании

Расскажу про первый раз.

Она была малолеткой, я тоже. И хуй у меня был малолетний меч-леденец. Он жаждал крещения кровью или просто тёплой пиздёночки.

Имя ей было Декабрина, соответствующее тогдашнему времени.

Я подрабатывал, раздавая агитационные листовки какой-то чмошной политической партии. А она просто гуляла рядом, снег пинала. Я на неё смотрел, смотрел. В глазки её заглядывал, когда она бегала. Наверное, просверлил маленькую дырочку в её головке. Она набрала у меня кучу листовок. Потом мы наконец-то заговорили.

– Меня Лёша зовут.

– А я Декабрина!

Губы у неё были пышные, красные. Волосы тёмные до плеч. Глаза любопытные, жадные, карие. На голове смешная вязаная шапка с бомбошкой. А пахла она чем-то вкусным и сигаретами. Лицо смешанное.

– Никогда такого имени не слышал, – удивился я тогда.

Она много смеялась, хватала меня за руки, жалась ко мне и ещё высмеивала прохожих. Из нас двоих Декабрина была главной.

– Пошли туда!

– Купи пива! Сигарет не забудь!

– Давай тут посидим!

– Деньги кончились? На мои!

– Ты чё такой стеснительный?!

Я и вправду краснел иногда, когда её лицо оказывалось близко ко мне.

Целоваться мы с ней начали быстро, а потом целовались много и всюду.

– Сегодня приходи ко мне, дома никого! – сказала она по телефону.

– Ты бухаешь?

– Да! Можешь прихватить с собой пару бутылок пива и сигареты возьми!

– Хорошо.

Сам я жил тогда в общежитии. Я стал тщательно собираться. Надел самые красивые, чистые, любимые трусы, чистые носки. Долго смотрелся в зеркало.

– Куда это ты так собираешься-то? – спросил меня Мишка – сосед с ухмылкой. Голова у него круглая. Волосы чёрные, редкие. Лицо удмуртское.

– Погулять.

– Ой, не пизди! Нарядился! Вы тока гляньте на него! К бабе пошёл?! Меня не обманешь!

– Ну, допустим.

– Ох, птенец ты наш. Гондоны взял?

А я совсем забыл о них. Он заметил моё замешательство.

– Эх, сынок! Что бы ты делал без дяди Миши! На держи мои!

– Спасибо. Сколько я тебе должен за них?

– Да ничего не нужно. Потом расскажешь, как всё прошло?

Я покраснел, как уголёк.

– Ну не смущайся, чувствительный какой! Я же шучу. Иди и развлекайся! Задай ей там!

Уууух!

На улице был поздний вечер. По морозу я бодро дошагал до пятиэтажного дома Декабрины. Я поднялся на пятый этаж. Она встретила меня, уже пьяненькая, румяная и горячая.

– Сигареты взял?

– Да.

– Пошли, покурим.

Мы зашли в ванную, встали возле вытяжки и давай дымить и сосаться.

Потом я подбухнул пива. Декабрина стала ещё вкуснее, несмотря на привкус табака. Я и сам курил. Мы зашли в спальню.

Большая кровать, на одной стене ковёр, на другой – большая полка с книгами. Я рассматривал книги, а Декабрина сидела на кровати и хлестала пиво.

– Слышь! Ты чё книги сюда пришёл читать?!

Мы легли в постель. Целуясь, разделись до трусов.

– У тебя было уже? – спросил я.

– Конечно! А у тебя, что нет?

– Тоже было, – соврал я.

И тут мы услышали шорох в дверях и шум ключа в замке.

– Это чё за хуйня? – спрашиваю я.

– Наверное, батя. Он внизу живёт. Бля... чё делать-то? – она запаниковала.

– Пиздец. Одевайся, быстрее! – сказал я.

Одеться мы не успели. Залетел пьяный мужик в тельняшке, короткостриженный, лицо в морщинах. И как закричит на меня:

– Пошёл вон отсюда, щенок!

Я по-быстрому оделся и сыбался оттудова.

Иду по улице. Первый час ночи. Общага закрыта. Холодно. Я поскользнулся, упал, содрал руку. Ёбаная жизнь.

Возле общаги полчаса вахтёрша баба Зоя поморозила меня, потом пустила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.